

Журналист Дмитрий Горюнов работает над своими воспоминаниями. Фрагмент из них мы предлагаем сегодня нашим читателям. Он посвящен встречам с выдающимися деятелями советской литературы Михаилом Шолоховым и Александром Твардовским в редакции «Правды», где Д. Горюнов в описываемое время работал заместителем главного редактора.

Мне особенно запомнилось время, когда «Правда» публиковала вторую книгу «Поднятой целины» Михаила Шолохова и заключительные главы поэмы Александра Твардовского «За далью — даль». Главы из «Поднятой целины» печатались в феврале, апреле, августе и декабре 1959 года. Иногда Шолохов читал отрывки членам

цитирует польский гимн буржуазных времен.

— Простите, ни о каком гимне в газете не говорится.

— Вы что, не знаете, что слова «Еще Польша не сгинела» — это из старого польского гимна?

— Недавно я был в Польше и часто слышал эти слова.

— Мало ли что и от кого вы слышали. Напоминать их неуместно.

— Но это же написал Шолохов, не поправку же давать.

— Поправку, видимо, давать не надо, но я вам настоятельно советую попросить товарища Шолохова изъять эти слова из журнальной публикации и тем более не включать их в книгу.

Признаюсь, я растерялся и сразу же соединился по телефону с Вешенской. Рассказал Михаилу Александровичу о

ном полноте и тот утратил его — все запахи поглотила роса, лежавшая на хлебах, на травах так щедро, будто прошел здесь недавно короткий сыпучий июльский дождь. Потому в этот тихий утренний час и властвовали всецело над степью два простых запаха — росы и слегка прижатой ею дорожной пыли».

Отрывок из «Поднятой целины» — почти пять печатных листов — был опубликован в «Правде», а мы так и не узнали, действительно ли М. А. Шолохов забыл захватить рукопись. Одно было ясно — новые главы романа так были им пережиты, страданы, так сложились в голове, что осталось только продиктовать машинистке...

Передо мной фотография, сделанная в редакции «Правды» в конце апреля 1960 года. В центре небольшой группы «прав-

фович предложил зайти в его комнату и прочитал поэму.

— Очень хорошо! Уже закончили, отдадите в печать? — спросил я.

— Нет, вам вот нравится, а надо переделывать.

— Почему? Редактор, что внутри вас, требует или кто другой?

— И так, и не совсем так...

«Теркин на том свете», впервые опубликованный в «Известиях», отличался от первой редакции, которую я слышал в подмосковном санатории. Мне показалось, что из поэмы что-то ушло, она стала менее острой, более прилаженной, что ли. Впрочем, может быть, это мне только показалось, так я был заворочен чтением Твардовского, неожиданным приобщением к его творческому процессу.

В беседах, которые мы тогда вели, Твардовский со свойственной ему прямой и резкостью, нелицеприятно отзывался о некоторых популярных тогда поэтах, о направлении поэзии — о многочисленных соблазнах профессиональной гладкописи, слепом следовании готовым рецептам и моделям изображения жизни, а главное — о примитивном истолковании действитель-

ВСТРЕЧИ С ШОЛОХОВЫМ И ТВАРДОВСКИМ

Дмитрий ГОРЮНОВ

редколлегии и сотрудникам. Читал глуховатым голосом, ровно, без нажима, но едва заметной интонацией выделял прямую речь героев, и всегда можно было узнать, когда говорит Давыдов, Нагульнов, дед Щукарь или Варюха-горюха. Отчетливо помню, как Михаил Александрович читал заключительную главу: «Давыдов умер ночью. Перед смертью к нему вернулось сознание. Коротко взглянув на сидевшего у изголовья деда Щукаря, задыхаясь, он проговорил:

— Чего же ты плачешь, старик? — Но тут кровавая пена, пузырясь, хлынула из его рта и, только сделав несколько судорожных глотательных движений, привалившись белой щекой к подушке, он еле смог закончить фразу:

— Не надо... — и даже попытался улыбнуться.

А потом тяжело, с протяжным стоном выпрямился и затих...

...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!»

На последней фразе голос Шолохова дрогнул, и он с трудом дочитал до конца. Наступила долгая пауза. Роясь в карманах в поисках платка, я посмотрел на товарищей: закаленные и видавшие виды «правдивисты» сидели, как и я, с увлажненными глазами. То было чувство щемящей горечи за судьбу героев и одновременно восхищения высоким мастерством автора книги. Юрий Борисович Лукин — «правдивист» и неизменный редактор шолоховских произведений — сказал мне после читки, что впервые в сочинении Шолохова, включая весь «Тихий Дон» и первую книгу «Поднятой целины», в лирическом отступлении открыто прозвучало авторское «я»: «...дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову». Он тоже заметил, что именно в этом месте дрогнул шолоховский голос...

Запомнились два эпизода, связанные с публикацией отрывков из «Поднятой целины».

В сцене перебранки между Половцевым и Лятевским по поводу готовящегося контрреволюционного выступления Половцев замечает: «Впрочем, ведь это о вашей державе в двадцатых годах говорили: «Еще Польша не сгинела, но дала уже душок...». Номер газеты, в котором публиковался этот отрывок, подписывал в печать я — главный редактор был в отъезде. Днем шел на работу в хорошем настроении — «Правду» с шолоховским романом читали с огромным интересом. Не успел снять пальто — звонок по телефону. Говорило одно важное лицо. Смысл был таков: как получилось, что газета

звонке и просьбе. Шолохов рассмеялся и сказал, что ничего исправлять не будет:

— Здесь все верно. Поляки не обидятся, что контра неуважительно отозвалась о буржуазной Польше и их гимне.

— Их сегодняшнем гимне?

— Ну конечно. «Еще Польша не сгинела» — это из гимна.

Я все понял и не стал спрашивать Шолохова, что мне ответить важному лицу.

В редакции нашелся справочник. В нем говорилось, что польским гимном является «Мазурка Домбровского» — патристическая песня, написанная в 1797 году Юзефом Вибицким и взятая на вооружение польскими legionерами генерала Яна Домбровского. С 1831 года эта песня стала польским национальным гимном, а с 1926 года по наши дни — государственным гимном Польши.

Все это М. А. Шолохов знал, а вот важное лицо, а вместе с ним и я, оказались, мягко говоря, «не на высоте».

Второй эпизод такой. М. А. Шолохов позвонил из Вешенской, сказал, что приезжает с главами «Поднятой целины», и назначил читку. От «Правды», как обычно, поехал Ю. Б. Лукин. Поздно вечером, вернувшись в редакцию, он рассказал, как прошла читка. Когда все собрались, Михаил Александрович вдруг объявил:

— Я пригласил вас, чтобы сообщить пренебрежительное известие: рукопись-то я не привез. Взял не тот чемодан. Что будем делать?

Начали судить и рядить. Кто-то предложил позвонить в Миллерово, попросить Н. съездить в Вешенскую и привезти рукопись, а Юрий Борисович слетает за ней на самолете. Стали выяснять рейсы в Миллерово. Шолохов послушал, послушал и говорит:

— Поступим иначе. Вы, Елена Павловна (Е. П. Серебровская. — Д. Г.), не разучились печатать? Нет! Тогда я вам буду диктовать, потом вместе прочитаем, подправим и повезем в «Правду».

Шолохов диктовал несколько дней, а когда вслух прочитали большой кусок романа, то все пришли к выводу, что он почти не нуждается в правке. В один из дней, вновь перечитывая диктовку, Шолохов вдруг остановился на том месте, где дед Щукарь провожает Варюху в техникум, и сказал:

— Тут что-то не так. Было какое-то особенное утро. Надо вспомнить.

Он ушел в другую комнату, где диктовал, а вернувшись, прочел: «В этот ранний утренний час ни степной подорожник, ни поникшие ветки желтого донника, ни показавшееся на взгорье и близко подступавшее к шляху жито не источали присутствующих им дневных запахов. Даже всецель-

М. Шолохов. 1975 г.

дистов», выделяясь высоким ростом, с пачкой свежего номера газеты под мышкой — Александр Трифонович Твардовский. Он только что прочитал нам в редакции последнюю главу поэмы «За далью — даль» и захватил газету, в которой в этот день была опубликована предыдущая глава под названием «Так это было». Он читал нам ее несколько дней назад. Твардовский был сосредоточен, внутренне напряжен. Первые две строфы прочел с ровным голосом, слова звучали напряженно, тяжело. «...Когда кремлевскими стенами// Живой от жизни огражден,// Как грозный дух он был над нами, —// Иных не знали мы имен...// Гадали, как еще восславить// Его в столице и селе.// Тут ни убавить,// Ни прибавить, —// Так это было на земле...».

Затем, когда в поэме он обращался к другу «напущенного детства», голос его пообмяк, звучал задумчиво, проникновенно. Это была исповедь сына своего времени, своего века. Поэт говорил другу, что никуда им не деться от памяти, что не пристало им тешиться надеждой, что пережитое уйдет, умрет, как будто его и не бывало, а они вроде бы ни при чем: «Нет, мы с тобой другой породы, —// Минувший день не стал чужим.// Мы знаем те и эти годы// И равно им принадлежим».

Заканчивал поэт уже ровным, спокойным, твердым и уверенным голосом: «Нелегко путь.// Но ветер века —// Он в наши дует паруса».

Слушать Твардовского было наслаждением. Голос поэта со всеми его модуляциями органически сливался с текстом, и невозможно было отделить одно от другого — все одинаково было пронизано живым умом, душевной широтой и щедростью, глубокими раздумьями о жизни, боли и радости. Последнюю главу поэмы он читал на светлой ноте, весело, временами иронично, а закончил с хитроватым прищуром глаз: «И, распроставшись с этой далью,// Что подружила нас в пути,// По счастью, к новому свиданию// Уже готовлюсь я. Учи!». Вот эта радостная готовность к новому свиданию, к новой дали передает фотография Твардовского, что лежит передо мной на письменном столе...

Знакомство с Александром Трифоновичем продолжилось. В 1961 году мы вместе отдыхали в санатории под Москвой. Твардовский был один, и мы часто вдвоем сидели у пруда, гуляли по лесу. Я знал, что Твардовский работает над «Теркином на том свете», но не осмеливался попросить его почитать. Однажды, когда мы возвращались с прогулки, Александр Три-

фович предложил зайти в его комнату и прочитал поэму.

Да, есть слова, что жгут, как пламя, что светят вдаль и вглубь — до дна, но их подмена словесами Измене может быть равна.

Сыновней призванный любовью В слова обещать твои труды, Я, как кощунства, — краснословья Остерегаюсь, как беды.

Не белоручка и не лодырь, Своим кичающийся пером, — Стыжусь торчать с дежурной одой Перед твоим календарем.

Как-то, уже работая в Африке, во время отпуска навестил в больнице Бориса Панкина, тогдашнего редактора «Комсомольской правды». Борис сказал, что в соседней палате лежит Твардовский, и предложил навестить его. Он предупредил, что настроение у Александра Трифоновича незавидное — в то время критика подвергла «разносу» повесть Василия Быкова «Круглянский мост», а заодно и «Новый мир», опубликовавший ее. Александр Трифонович был на постельном режиме, но встретил нас приветливо.

Между прочим я спросил его об авторе, выступившем в «Новом мире» с разбором фильма «Война и мир». Эта статья мне очень понравилась, она отвечала моим впечатлениям о фильме. Твардовский назвал критика «весьма сведущим».

— А вы, Александр Трифонович, смотрели фильм?

— Ну зачем же... Я читал Толстого, — ответил он, недоуменно разведя руками.

Потом я долго думал над его ответом и, кажется, понял поэта. У него давно составилось собственное отношение к роману, к его героям, и для него было вполне достаточно самого Толстого.

Да и не у одного только Твардовского экранизация классической прозы, как правило, вызывает разочарование. Интересно высказывание Габриэля Гарсия Маркеса по этому поводу: «Я против экранизации романа «Сто лет одиночества». Может быть, это несколько нескромно, но я как автор хочу, чтобы каждый читатель по своему увидел персонажей этого романа. Увидел или своего дядю, или бабушку, еще кого-либо из своих родственников. А как только роман придет в кино, такая проекция станет невозможной... И кончится тем, что Урсула превратится в Софи Лорен, а полковник Аурелиано Буэндия — в Энтони Куинона». Кстати, когда Твардовскому предложили экранизировать его «Теркина», он высказывал сильное сомнение в целесообразности замысла.

Запомнилось и несколько замечаний А. Т. Твардовского, высказанных на ходу, во время мимолетных встреч.

— Александр Трифонович, конец месяца, а «Нового мира» все еще нет.

— Скоро выйдет, только тоненький, вот такусенький, — показал он характерным жестом большого и указательного пальца. — Пришлось снять одну повесть.

— Почему?

— Стыковочка получается, стыковочка, — и, хитро улыбувшись, заспешил и ожидавшей его машине.

В другой раз.

— Ну, как вам там жидется в Африке?

— Вроде нормально.

— Пишете что-нибудь? Время, наверное, есть.

— Время-то есть, но настроения нет.

— А вот это бывает, по себе знаю, бывает...

А. Твардовский, 1964 г.